

Литературная газета

Вторник, 26 октября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 58 (694)

Писатели будут агитировать за кандидатов народа

Великий советский народ приступил к выдвижению своих кандидатов в Верховный Совет СССР. Радостно, восторженно, с большим политическим подъемом и невиданным энтузиазмом проходят по всей стране предвыборные собрания.

20 октября на собраниях крупнейших предприятий Москвы и Ленинграда названы первые желанные кандидаты. По предложению беспартийной рабочей-стакановки, мастера лампового завода т. Славовой рабочие и служащие Электромобильного завода им. Куйбышева выдвинули своим кандидатом любимого вождя народов, друга трудящихся всего мира Иосифа Виссарионовича Сталина.

По предложению рабочего вальцовщика т. Шеголева собрание московского завода «Серп и молот» выдвинуло своим кандидатом боевого сталинского соратника — Ватюшку Михайловича Молокова. По предложению рабочих Вогомоловского завода Шереметьевского района выдвинули своим кандидатом бывшего рабочую завода, председателя Таганского райсовета Прасковью Никитичну Пичугину.

В тот же день на предвыборных собраниях крупнейших предприятий Ленинграда выдвинули кандидатуры всевозможных старости Михаила Ивановича Калинин, боевого руководителя ленинградского коммунистической организации Андрея Александровича Жданова, одного из инициаторов стакановского движения, заместителя директора фабрики «Скорострел» Николая Степановича Сметанина.

Таковы имена первых шести кандидатов, выдвинутых советским народом в этот день.

Весь о выдвижении кандидатуры великого вождя и учителя товарища Сталина и его соратников быстро разнесся по городам и селам Советской страны. «Голос избирателя Сталинского округа города Москвы — это голос всего многомиллионного народа нашей страны», — пишут в своей резолюции рабочие Харьковского тракторного завода. — Сталин — наше ананас, наша гордость, наша надежда. Имя Сталина — самое дорогое для нас имя. Кандидатура Сталина — наша первая кандидатура в высший орган советской власти».

Так сказали харьковские рабочие. Так думают, так говорят весь многомиллионный советский народ. Об этом очень хорошо сказал Герой Советского Союза т. Громов: «Восклицания и радостные события, которые мы переживаем, всегда обязательно связаны с именем, которое нам дороже всего, с именем нашего любимого товарища Сталина».

С именем товарища Сталина связаны все наши победы. Иметь Сталина народ называет своим Конституцией, ибо в ней подведены блестящие итоги побед социализма за двадцать лет, завоеванные под руководством великого Сталинского партии и творца Конституции товарища Сталина. Вот почему на предвыборных собраниях имя вождя народов товарища Сталина вызывает бурю восторгов, радости, приветствий. Все сто миллионов советских избирателей хотят отдать свой голос любимому Сталину.

Плановые патристические речи раздаются в эти дни на предвыборных собраниях. По личной инициативе беспартийные рабочие и работники и представители интеллигенции выдвигают своих кандидатов. И эти кандидаты, выдвигаемые беспартийными, горячо поддерживают коммунисты. Предвыборные собрания ярко демонстрируют единение коммунистов с беспартийными. Эти собрания еще и еще раз демонстрируют огромную любовь народа к руководителям партии и правительства, неразрывную связь руководителей страны с народом. Советский народ знает своих руководителей, он любит их, верит им и отдает им свой голос. Нигде, ни в одной стране мира, нет и не может быть такой связи руководителей страны с народом.

Советский народ отдает свой голос только тем, кого он знает как непоколебимых борцов за дело Ленина — Сталина, как верных сынов и дочерей своей социалистической родины.

Именно таких людей, вращенных нашей партией, он выдвигает в кандидаты. Уже в первые дни были выдвинуты кандидатуры Н. Сметанина, П. Пичугиной, народного героя В. С. Молокова, колхозника В. С. Сидорова, текстильщицы-стакановки, члена Центральной избирательной комиссии М. К. Симоненковой. Верные сынов и дочери народа, преданные до конца коммунизму, достойны быть членами Верховного Совета. Их имена произносятся с любовью и гордостью.

Новочеркасский избирательный округ

Новочеркасский Индустриальный институт наметил кандидатом в депутаты Совета Союза

МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ШОЛОХОВА

На многолюдном собрании студентов, профессоров и преподавателей, служащих и рабочих Индустриального института в Новочеркасске горячо обсуждался вопрос о выдвижении кандидата в депутаты Совета Союза от Новочеркасского избирательного округа. Две тысячи пятьсот участников собрания постановили выдвинуть кандидатом в депутаты Совета Союза автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» — МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ШОЛОХОВА.

Достоинейший кандидат

Моя родина переживает сейчас новый подъем. Началась избирательная кампания в Верховный Совет СССР. Названы первые кандидатуры. В числе их — люди, олицетворяющие силу и мудрость нашей партии. Первыми названы имена великого вождя народов товарища Сталина и его славных соратников. За эти кандидатуры будут голосовать вся страна, все население нашей могучей родины.

С радостью я, как писатель, встретил решение о решении студентов и профессорско-преподавательского состава Новочеркасского индустриального института о выдвижении кандидатом в депутаты Совета Союза писателя-большевика Михаила Шолохова.

Это величайший акт доверия советского народа к нам, советским писателям. Выдвижение кандидатуры т. Шолохова, известного писателя-большевика, который своим творчеством и общественным обликом является примером для нас, писателей, безусловно горячо будет поддержано всеми писателями и читателями нашей родины. Всей своей деятельностью, всеми страницами своих книг Михаил Шолохов доказал свою коммунистическую стойкость, высокую партийность, беспредельную преданность делу партии Ленина — Сталина.

Михаил Шолохов достоин быть избранным в Верховный Совет Союза. Я горячо голосую за эту кандидатуру большевика-писателя, верного сына ленинской партии.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Исторические документы Октября 1917 года

В. И. Ленин

Письмо к членам партии большевиков

Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая Жизнь», то я отказался верить этому, но сомнения оказались невозможны и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии в четверг вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного штрейхбрехства было бы преступлением.

Чем серьезнее практический вопрос, тем ответственнее и «важнее» люди, совершившие штрейхбрехство, тем опаснее оно, тем решительнее надо выкинуть вой штрейхбрехтер, тем непростительнее было бы колебаться из-за прошлых хотя бы «зазвуч» штрейхбрехера.

Получать только! В партийных кругах известно, что партия с сентября обсуждала вопрос о востании. Ни об одном письме или листке ни одного из названных лиц никто ничего не слышал! Теперь, накануне, можно сказать, с'езда Советов двое из них выступают против большевистской партии, и явное дело, против Ц. К. Это не говорится прямо, и от этого вред для дела еще больше, ибо намеками говорить еще опаснее.

Из текста заявления Каменева и Зиновьева ясно видно, что они пошли против Ц. К., ибо иначе их заявление бессмысленно, но именно постановление Ц. К. они оспорили, не сказали.

Почему? Ясное дело: потому, что его не публиковал Ц. К.

Что же это такое выходит?

Но важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «выжидательных большевиков» в непартийной печати и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет об руку с буржуазией против рабочей партии, в такой газете нападают на неопубликованное решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз полезнее и в миллион раз вреднее всех тех выступлений, хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шла дело только о выборах, а теперь идет дело о востании для завоевания власти!

И по такому вопросу, после принятия центром решения, оспаривать это неопубликованное решение перед Розыньками в Керенский, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейхбрехтерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед Ц. К. и перед с'ездом буду бороться за исключение обоих из партии.

Ибо рабочая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с востанием, не в силах решать эту трудную задачу, если неопубликованные постановления центра, после их принятия, оспариваются в непартийной печати и в ряде борцов вносятся колебания и смута.

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками разрывавших людей или кандидатов в Учредительное Собрание. Работать в такую партию не пойдут, ибо ее первым лозунгом будет:

«Кекистам, побежденным по вопросу о решительном бое на собраниях Ц. К., раз-

решается идти в непартийную печать для нападок на неопубликованные постановления партии».

Пусть строят они себе такую партию: наша рабочая партия большевиков от этого только выиграет.

Когда будут опубликованы все документы, штрейхбрехство Зиновьева и Каменева выступит еще гораздо яснее. А пока перед рабочим пусть встанет вопрос:

«Допустим, правление Всероссийского профессионального союза решило, после месячного обсуждения и большинством свыше 80 процентов, что надо приготовить стачку, но ни о сроке, ни о чем ином пока не публиковать. Допустим, двое членов, прикрываясь обычным «особым мнением», после решения не только стали писать в местные группы о пересмотре решения, но и допустили сообщения своих писем в непартийные газеты. Допустим, что, наконец, они и сами в непартийных газетах напали на решение, хотя оно еще не опубликовано, и стали поносить стачку перед капиталистами».

Спрашивается, колеблется ли рабочие исключать из своей среды подобных штрейхбрехтеров?

Что касается до положения вопроса о востании теперь, так близко к 20 октября, то я излагаю не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейхбрехтерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что прантиский вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта и исключить штрейхбрехтеров.

Слабость идейных доводов против востания будет тем яснее, чем больше мы выйдем из на свет божий. Я полагал называть статью об этом в «Рабочий Путь», и если редакция не сочтет возможным поместить ее, члены партии, вероятно, ознакомится с ней в рукописи.

Складывается эти «идейные», с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к «ожиданию» Учредительного Собрания. Полагая, авось дождем, — вот и весь доход. Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с разрывом коммунистическим шагом к сладе Питера неждан (с локатуши авось) еще дождет.

Авось да небось, в этом вся сила довода.

Во-вторых, крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все пологотено чудесно, у рабочих все плохо. «Пессимизм» насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а «оптимизм» молчат, ибо перед Розынькой и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейхбрехтеров, приятно.

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая задача. Тяжелая задача. Тяжелая задача.

И все же-таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское востание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!

Н. ЛЕНИН.

Написано 31 (18) октября 1917 г. Впервые напечатано 4 ноября 1927 г. в «Правде» № 180. Печатается по рукописи.

В. И. Ленин. Сочинения, т. XXI, стр. 350—352.

И. В. Сталин

Власть Советов

В первые дни революции лозунг «вся власть Советам» был выкриком. В апреле «власть Советов» впервые противопоставляется власти Временного Правительства. Большинство в столице пока еще за Временное Правительство без Миллюкова — Гучкова. В июне этот лозунг получает демонстративное признание громадного большинства рабочих и солдат. Временное Правительство уже изолировано в столице. В июле вокруг лозунга «вся власть Советам» вспыхивает борьба между революционным большинством столицы и правительством Львова — Керенского. Соглашательский Ц.И.К. опираясь на остаточность провинции, переходит на сторону правительства. Борьба решается в пользу правительства. Сторонники Советской власти объявляются вне закона. Наступает мертвая полоса «социалистических» репрессий и «республиканских» тюрем, бонапартистских подсыжаний и военных заговоров, расстрелов на фронте и «совещаний» в тылу. Это до августа. В конце августа картина резко меняется. Корниловское востание вызывает напряжение всех сил революции. Советы в тылу и комитеты на фронте, умершие было в июле — августе, теперь «вдурт» оживают. И, ожив, берут власть в свои руки в Сибирь и на Кавказе, в Финляндии и на Урале, в Одессе и Харькове. Без этого, без взятия власти, революция была бы разгромлена. Так «власть Советов», провозглашенная в апреле «маленькой группой» большевиков в Питере, в конце августа получает почти всеобщее признание революционных классов в России.

Теперь ясно для всех, что «власть Советов» не только популярный лозунг, но и единственно верное средство в борьбе за победу революции, единственный выход из создавшегося положения.

Настал момент, когда лозунг «вся власть Советам» должен быть, наконец, претворен в жизнь.

Но что такое «власть Советов» и чем она отличается от всякой иной власти?

Говорят, что передать власть Советам, это значит составить «единоличное» демократическое министерство, организовать новый «кабинет» на «социалистических» министров и, вообще, провозгласить «серьезное изменение» в личном составе Временного Правительства. Но это неверно. Дело здесь вовсе не в замене одних лиц Временного Правительства другими. Дело в том, чтобы хозяевами положения в стране стали рабочие, революционные классы. Дело в переходе власти в руки пролетариата и революционного крестьянства. Но для этого и перемена одного лица правительства далеко еще недостаточна. Для этого необходимо прежде всего провозгласить коренную чистку во всех ведомствах и учреждениях правительства, изгнать отсюда корниловцев, поставив веле преданных людей рабочего класса и крестьянства. Только тогда и только в таком случае можно будет говорить о переходе власти к Советам «в центре и на местах».

Чем объяснить известную всем беспомощность «социалистических» министров Временного Правительства? Чем объяснить тот факт, что эти министры оказались жалкими игрушками в руках людей, стоящих вне Временного Правительства (вспомните «Юнкера» Чернова и Скобелева, Зарудного и Пешехонова на «Демократическом совещании»)? Прежде всего тем, что не они вели свою деятельность, а ведомство вели их. Тем, между прочим, что каждое ведомство

составляет крепость, где до сих пор еще стоят бюрократы царского периода, обращающие благие пожелания министров в «звук пустой», готовые саботировать любое революционное мероприятие власти. Чтобы власть перешла к Советам не на словах только, но и на деле, необходимо взять эти крепости и, изгнав оттуда слуг царско-парского режима, поставить на их место выборных и сменяемых, преданных делу революции работников.

Власть Советам — это значит коренная чистка всех и всяких правительственных учреждений в тылу и на фронте, снизу доверху.

Власть Советам — это значит выборность и сменяемость всех и всяких «начальников» в тылу и на фронте.

Власть Советам — это значит выборность и сменяемость «представителей власти» в городе и деревне, в армии и флоте, в «ведомствах» и «установлениях», на железных дорогах и в почтово-телеграфных учреждениях.

Власть Советам — это значит диктатура пролетариата и революционного крестьянства.

Диктатура эта в корне отличается от диктатуры империалистической буржуазии, той самой, которую не так давно старались установить Корнилов и Миллюков при благосклонном участии Керенского и Терещенко.

Диктатура пролетариата и революционного крестьянства, — т. е. диктатура трудящегося большинства над эксплуататорским меньшинством, над помещиками и капиталистами, над спекулянтами и банкирами, во имя демократического мира, во имя рабочего контроля над производством и распределением, во имя земли для крестьян, во имя хлеба для народа.

Диктатура пролетариата и революционного крестьянства, — т. е. диктатура открытая, массовая, осуществляемая на глазах у всех без заговора и закулисных работ. Ибо такой диктатуре нечего скрывать, что локаутчикам-капиталистам, обостряющим безработицу путем разных «разгрузок», и банкам-спекулянтам, взвинчивавшим цены на продукты и создававшим голод, — пошасы не будет.

Диктатура пролетариата и крестьянства, — т. е. диктатура без насилия над массами, диктатура волею масс, диктатура для обсуждения ролей врагов этих масс.

Такова классовая сущность лозунга «вся власть Советам».

События внутренней и внешней политики, затяжная война и жажда мира, поражения на фронте и защита столицы, глупость Временного Правительства и «переезд» в Москву, разруха и голод, безработица и истощение, — все это неизбежно влечет революционные классы России в власть. Это значит: страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства.

Настал момент, когда революционный лозунг «вся власть Советам» должен быть, наконец, осуществлен.

(«Рабочий Путь», № 35, 26 (13) октября 1917 года).

Писатели в избирательных комиссиях

Москва

На совместном заседании президиума ССП с активом писателей 22 октября был обсужден вопрос о посылке представителей московской литературной общественности в участковые избирательные комиссии Краснопресненского избирательного округа.

После предварительного обсуждения кандидатуры членами участковых избирательных комиссий выделены тт. И. Уткин, Л. Славин, Ю. Олеша, В. Гусев и С. Михалков.

Представителями ССП на общем предвыборном собрании в Краснопресненском избирательном округе делегированы: поэт-оратор В. Лебедев-Нуман и Геннадий Финш.

БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ

Советские писатели голосуют вместе с народом, вместе с партией за вождя и вдохновителя партии, за его замечательных соратников, за лучших, честнейших людей страны — социализма.

Контрреволюция не удалось привлечь на свою сторону ни одного выдающегося писателя.

Радостно быть в рядах великого советского народа.

Радостно чувствовать себя членом честного коллектива советских писателей.

Очень лестно быть представителем такого коллектива в избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Я рад и горд.

Работа по выборам поможет мне и как поэту и как редактору.

В частности она облегчит выполнение ответственного поручения Гослитиздата: составить и отредактировать стихотворный сборник, посвященный выборам в Верховный Совет СССР.

Общественное доверие — лучший стимул в работе советского гражданина, советского писателя.

ИОСИФ УТИН

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СТРАНА ЛЮБУЕТСЯ

Поэт заслуженно любим и знаменит, И стих его в сердцах сограждан проникает, Когда народным счастьем он сверкает И радостью народному везет.

Страна любитесь героями своими. И Красная Москва, и Красный Ленинград, И вся страна, возглавленная ими, Уже произнесла излюбленную ими. Народный голос — он, как мощный водопад, Как волн морских прибой, стихийно-музыкален.

Симфонией звучит предвыборный доклад. Ликующий финал: — «Народ наш гениален! И знает он, кому даст первый свой мандат!» В ответе громовым силится стар и млад: — «Да здравствует товарищ Сталин, Наш гениальный вождь, наш первый депутат!»

Великих наших дел всемирные уроки — Пред высшей датой истории своей. Она уже близка, и к ней все ближе сроки. Счастливым, радостным, я посвящаю ей Свои восторженно-взволнованные строки.

Сталину в песнях спасибо гремит

Нет краше на свете Краины моей. Грей она песни Да всех веселей.

Поет она всюду, Что радостно жить, И Сталину в песнях Спасибо гремит.

Он ленинским шляхом Нас к счастью ведет. Под ленинским стягом Краина цветет.

Он недруг наших Развеет, как прах, Из рук мы не выпустим Ленинский стяг!

Горя ж, наше солнце, Сверкай над страной! — Веда же нас, Сталин, Отеп нам родной!

(Песню сложил колхозник Я. Смольская — колхоз «Пролетарий», Хойницкого района. Перевел с белорусского М. Исаковский).

Писатели в избирательных комиссиях

Ленинград

«Литературная газета» сообщила уже, что ленинградские писатели входят в состав членов Кировской, Дзержинской, Московской и Фрунзенской окружных избирательных комиссий.

В первом заседании Московской окружной избирательной комиссии в Ленинграде принял участие А. М. Толстой. По предложению писателя, члены комиссии в ближайшем будущем познакомятся с благоустройством помещений, где будут проводиться выборы.

Выборы в Верховный Совет СССР, — говорит А. М. Толстой, — это всенародный праздник. И потому алания, где будут проходить выборы, должны выглядеть особенно празднично.

Член Дзержинской окружной избирательной комиссии в Ленинграде поэт М. Ткачев сообщил нашему корреспонденту, что лично он будет отвечать за подготовку и выборы в одиннадцати участках Дзержинского избирательного округа.

О первых своих впечатлениях члена Фрунзенской окружной избирательной комиссии рассказал соборнику писателей М. Зощенко.

Писатель привел интересные данные о культурном обиходе округа. В нем: 9 высших учебных заведений, 8 техникумов, 2 фабрика, 39 школ, 7 клубов, 30 библиотек и т. д.

ЛЕНИНГРАД, 26 октября. (По телефону от нашего моря). Ленинградский союз советских писателей выделил одиннадцать бригад, которые будут вести агитационно-просветительскую работу во всех избирательных округах Ленинграда. В бригады входят поэты, драматурги, прозаики, авторы малых форм. Выделены также особая поэтическая бригада, которая начнет работу над избирательными плакатами.

20 октября на крупнейших предприятиях Москвы и Ленинграда начались предвыборные собрания

Первыми кандидатами в депутаты Верховного Совета выдвинуты товарищи Сталин, Молотов, Калинин, Жданов, Пичугина, Сметанин

Избирательная кампания развернулась по всей стране. Трудящиеся массы выдвигают кандидатами руководителей партий и правительства, лучших людей страны, партийных и непартийных большевиков, беззаветно преданных делу Ленина—Сталина

А. МАКАРЕНКО

За дорогое будущее, к которому ведет Сталин

Трудно найти слова для выражения того исключительного яркого впечатления, которое уносит каждый из участников предвыборного собрания Сталинского избирательного округа. Не вымещаются чувства в слова, как не вмещается содержание события в его осново-районные границы.

На долю Сталинского избирательного округа выпала историческая честь первому назвать имя лучшего из лучших, первого из первых кандидатов в Верховный Совет Союза ССР.

Имя Сталина. То обстоятельство, что на устах было это имя, придавало каждому выступлению особую ответственность и особое волнение.

Перед глазами стоял образ одного из величайших гениев человеческой истории, обладающего невиданным еще в мире авторитетом, возглавляющего столь же невиданное по глубине и единодушию движение трудящихся масс не только нашей страны, но и всего земного шара.

Каждый из выступавших на собрании ораторов невольно искал какие-то особые, достойные любви и преданности перед этим именем слова.

И недаром рабочий завода Мастятжарт, т. Васов, пожелал воспользоваться для этого простыми и замечательными словами Барбоса.

— Мы выберем в Верховный Совет, — заявил Васов, — того, о ком Барбос сказал: «Человека с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата».

В сопоставлении с мировым значением величайшего исторического деятеля как бы исчезала географическая ограниченность одного избирательного округа. Устами его говорила вся страна.

Понятно трудно найти за рубежом какие-либо аналогии с нашей действительностью. Мы прекрасно знаем, что такое избирательная механика буржуазной демократии, мы отлично представляем себе, как в бездне хитрых избирательных фокусов тонет на Западе человек, как он далеко стоит от действительных друзей политики. Наш избиратель — это один из творцов нашей жизни, это действительный член настоящей, повседневной, деловой и созидательной демократии. Он объединен со всеми другими гражданами страны в одно стремле-

нии, в одном ощущении борьбы и победы, в одном чувстве любви к своим вождям, в одном движении ненависти к своим врагам.

Ораторы, выступавшие на собрании Сталинского избирательного округа, прекрасно чувствовали свою нераздельную с ним со всей страной, общность великого дела революции. И самым высоким и совершенным выражением этой общности прозвучало имя Сталина.

На собрании вызволенной орденом было встречено выступление Героя Советского Союза полковника Громова. Это был один из самых замечательных моментов собрания: Громов выразил затаенные мысли каждого из участников собрания, когда заявил:

— Каждый из нас отдал свою жизнь за то дорогое будущее, к которому ведет нас Сталин.

Эту же мысль по-своему выразили и остальные ораторы предвыборного собрания: Савина, Сомов, Васов, Абакумов, Микотин, Клеус, Зверев.

Какой замечательный факт нашей действительности это избирательное собрание трудящихся, за спиной которых уже двадцать лет не стоит эксплуататор.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

И сердце народа, и воля народа

Предвыборное собрание Молотовского избирательного округа.

Зал Дворца труда так переполнен, что опитерам советской кинохроники некуда было поставить свои тонкие железные ноги. Первым говорил седой, чернобрый, темнотазый, румяный вальцовщик товарищ Пеголов:

— Мы отдадим свои голоса тем, кто обеспечит нам свободу, счастливую жизнь. Я лично, как старый рабочий, проработавший десятки лет своей жизни у кровопийцы Гужова, а сейчас — как один из хозяев нашей страны, предлагаю у себя на заводе послать в Верховный Совет Союза лучшего человека товарища Молотова.

Зал ответил овацией.

Мы впервые в жизни пришлось услышать такую бурную овацию и впервые в жизни пришлось увидеть, как аплодируют фотографы.

Волна слез и слезы и из зала перекрыли шум овации.

— Да здравствует глава советского правительства! Да здравствует лучший соратник товарища Сталина товарищ Молотов!

При оглашении предложенного списка почетного президиума оный повторился овации при имени товарища Сталина и его соратников. Овации напоминали шум элект-

рического разряда, увеличенного во много тысяч раз.

Ораторы доводили свои речи до личной судьбы.

Работница завода имени Молотова тов. Богачева говорила о 7-часовом рабочем дне и о том, что она получила сейчас возможность учиться.

Седой беспартийный рабочий завода «Молот» тов. Громов от имени двух с половиной тысяч рабочих завода говорил о товарище Молотове и о его непримиримой борьбе против всех врагов народа, против троцкистских и бухаринских вредителей.

Он говорил просто, не горячась, и как бы в подтверждение своих слов тихо прибавил:

— Мне семидесять лет.

Очень трудно описать зал. Там сидело 850 человек, представляющих 195 тысяч рабочих.

Про собрание нельзя было сказать: молодое оно, старое ли, — так наэлектризованы были люди общим решением. Председатель смотрел на собрание так, как смотрят на вновь открываемые земли.

Собрание было однородно, потому что биография инженера и биография рабочего, биография учителя — все эти биографии были объединены вокруг жизни вождя и жизни партии.

Говорили сорокалетние люди, мы удивлялись их молодости, говорили ровесники Октября, для которых день 12 декабря — день первых их выборов.

Собрание отправило письмо товарищу Молотову о том, что собрание представителей предприятий и общественных организаций Молотовского избирательного округа напоминает его кандидатуру в депутаты Верховного Совета Союза от Молотовского избирательного округа г. Москвы.

Собрание просит Вячеслава Михайловича Молотова дать свое согласие баллотироваться в Молотовском избирательном округе г. Москвы.

Собрание обратилось также ко всем избирателям Молотовского избирательного округа. В обращении говорится о победах социализма и выражается ненависть к тем, кто мешает этим победам.

Один из ораторов прочел стихи т. А. Филатова, напечатанные в газете «Мартеновская» от 22 октября.

Стихи кончались словами:
И сердце народа
И воля народа —
За Молотова отдать голоса.

Собрание овацией подписало под этими стихами.

Лев КАССИЛЬ

Самые милые, самые дорогие имена

Пичугина сидела вторая от края на большом железном столе президиума. Справа от нее, крайним, сидел прославленный Юсим — молодой директор «Шарикополшинника».

В огромном переполненном зале пахло озоном — весной и грозой. Я еще издали сразу узнал Пичугину. Я узнал ее по застенчивым рукам. Она единственная в этом переполненном зале не аплодировала. Зал буршевал овацией по ее адресу. Мелкими тысячами ладоней. И только ее руки лежали на столе. Глазкие волосы лучились под перекрестным огнем прожекторов, и Пичугина Никитична вынуждена была сидеть в зал, словно ей было неловко, что имя ее вызывает такой приветливый гром.

В гардеробах Дворца культуры давно уже были разбросаны все номера из залов. Улыбались пальто, кофточки, шляпки на веру, на память, на честное слово, на мелок. Потом и складывать стало нелегко. Наружные правила Дворца, люди выискивали в зал, держа верхнюю одежду на руках.

В этот день, 22 октября, в великолепном Дворце культуры, во Дворце, который в эти вечерние часы сыпал, как огромный хрустальный сосуд с фосфоресцирующим газом, шло предвыборное собрание представителей заводов, фабрик, учреждений Таганского и Пролетарского районов.

Ряд предприятий, находящихся на территории Пролетарского избирательного округа, еще накануне единодушно выдвинул кандидатуры в члены Верховного Совета СССР одну из популярных этой области общественных деятельниц этой области — Пичугину Никитичну Пичугину, председателю Таганского райсовета.

Замечательная биография!.. Еще несколько лет назад — неграмотная батрачка. Потом — работница «Шарикополшинника». Потом — одна из лучших стахановцев завода, знатный мастер, орденосица. Великолепная производственница и энергичная, умная, отчаянная общественница. И вот она уже председатель совета одного из огромных районов красной столицы. В ее оном списке с самыми первыми именами нашей родины.

Сегодня имя Пичугины Никитичны Пичугиной вошло в число самых первых кандидатов в члены Верховного Совета СССР, стоит наравне с ними, и десятки тысяч людей «по-советски» просят ее баллотироваться от Пролетарского округа.

Рабочие завода имени Сталина, старые друзья о «Шарика», как говорят в районе, товарищи с «Динамо» и Белозавода, домохозяйки, учителя, командиры расположенных в округе частей Красной Армии, представители районного МОПР — все выдвигает ее, Пичугину, и просит баллотироваться в округе.

И может быть, потому, что всем известна простая, ясная и такая типичная для наших дней биография этой скромной женщины, на основании в речах ораторов-женщин нет-нет да и звучит снова нотка женской гордости, нотка гражданско-

го торжества советской женщины, знающей свои великие права и выполняющей свои прекрасные долг.

Среди выступавших — много женщин. Они выходят на трибуну, знатные стахановки района, домохозяйки — активистки Красного креста, депутаты Моссовета — и каждая, гордая близкой, родственной, по-настоящему своей судьбой, возмужавшая, и, вероятно, даже неожиданно для себя, рассказывает залу о своей судьбе, о своей жизни.

Какие биографии!.. Какие восторженные воспоминания о прошлом, какая радость и гордость за сегодняшнее, какая уверенность в будущем. Они вспоминают обиды прошлого, женское бесправие, оскорбления. Они рассказывают о своей жизни яростно, взыскательно, застенчиво и точно.

С восьмью лет я в явную пошла, за два рубля в год! Да какая же это, товарищи, проклятая жизнь была... Вот я рассказываю теперь иногда это дочке своей — ей шестнадцать лет, — не верит, товарищи, не может поверить.

«Да как же, говорит, мама, ты вытерпела все это?.. Неужели же, мама, люди могли терпеть хоть день такую жизнь?»

А сегодня я вот сама себе хозяйка, и никто на права мои руку не поднимет, и я хочу, могу выбирать в члены правления. И вот я выступаю самой лучшей, самую милую кандидатуру — нашу Пичугину Никитичну!

Простота и сердечность парят в огромном зале Дворца. Именно сердечность. Она и в словах выступающих, и в их раскрасневших просительных жестах, с какими, обернувшись с трибуны к Пичугиной, они приглашают ее баллотироваться от их округа, и в жарких аплодисментах зала. Сердечность! «Наша родная партия, наша коммунистическая партия», — говорит рабочий Ершов, а он беспартийный. И тем же менее каждый раз, говоря о партии, он повторяет: наша партия, Ленина — Сталина партия...

И каждый выступавший выдвигает, кроме кандидатуры Пичугиной, идущей от завода, от предприятия, от района, еще одно имя — от себя лично, от своего сердца. И каждое из этих, самых лучших, самых милых, по выражению стахановцев, Богомолотов, каждое из этих имен огромным рынком поднимает весь зал. Общее «ура», восторг и овации перекачивают в зал долгие времена по залу.

Сталин! При одном упоминании этого имени все вскакивает, поднимая вверх высоко над головами аплодирующие ладони. Молот! Катаков! Ворошилов! Ежов! Хрушев!

Сердечность и заинтересованность. Собрание тянется несколько часов. Но время проходит незаметно. И каждого оратора выслушивают с большим и приветливым интересом.

Внимательным, добрым, тысячекратным взором смотрит зал на прямую, скромную женщину, сидящую в президиуме, второй от края. Вот ее хотят избрать в Верховный Совет, ее собираются избирать, и тогда она станет вместе с другими — самыми лучшими, самыми милыми — управлять нашей страной. Она своя. Ее все знают

тут. Ее можно доверить. Вот она — ило будет ей отдавать свой голос.

Двое молодых рабочих — судя по их разговорам, о «Шарика» — входят, оповещая, идут глазами места, но все заподозрено, и они приставляются на барьер недалеко от меня. Они, видимо, прямо с работы. Только что умылились. Лица их свежи и розовы от недавнего прикосновения воды. Волосы на висках еще не высохли. Молодые техники? Изобретатели? Им, видимо, трудно еще сохранять неподвижность. Немного отойдя, один из них вынимает из кармана куртки маленький стальной шарик-полшинник.

— Нет, Коля — шепчет он, наклонившись к приятелю, — ты смотри, тут получаются сточки...

Имя Сталина в эту минуту взрывает в зале новую овацию. Друзья, восторг, аплодируют. Стальной шарик, стучит о пол, летит по балкуну. Парень, краснея, нагибается и хватается убегающей полшинки. На его широкой, красной ладони сияет сверкающий шарик. Но сам он, уже забыв о нем, кричит с балкона вниз: «Сталину, нашему вождю — ура!».

Тут у меня возникает совершенно неожиданная ассоциация. Вероятно, я был подготовлен к ней все время участвуя в речах ораторов мотавной новой, изумительной судьбы русской женщины. Мне приходит в голову на ум странная фраза «Аны Карениной», странная, рассказывающая о великодушном толстовском сарказме о крикливой, бестолковой и смешной творческой процедуре, в которой должен был принять участие Ленин, покаявшийся выбирать нового губернского председателя дворянства. Баллотировались баллотировались способом — на шарик.

«Баллотировать, баллотировать! Кто дворянин, тот понимает. Мы крошь проливает... Доверие монарха не считать предостережением, он не признает... Да не в том дело... Позвольте на шарик! Голосов...» — слышалось озабоченные неистовые крики со всех сторон. Взгляды и лица были еще озабоченные и неистовые речи. Они выражали непримиримую ненависть...

Парень, стоявший около меня, крепко зажал свой стальной шарик в кулак и стучит им о ладонь другой руки. Он не хочет терять ни одной секунды овации. Он аплодирует жарко и истошно. Сталину аплодирует он. Он смотрит на большую портрет, поставленный позади стола президиума. Человек, как сказал Барбос, с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде солдата, изображен там.

— Нет, эти знают, кому надо отдать свой голос, чтобы росла дальше счастливая и гордо страна социализма. Ее техническая мощь, стальная крепость ее уже давно «пробаллотированы», в частности, и миллионами вышедших из этих горячих рук стальных шариков, закрепленных в нашей промышленности социалистическую скорость. Всеми пунктами Сталинской Конституции, всеми голосами, грохотом ладоней, трудом, песней голосует страна за «самые лучшие, самые милые», самые дорогие имена.

20 октября на Московском электромеханическом им. Куйбышева, входящем в Сталинский избирательный округ, состоялось многотысячное собрание рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Собрание единодушно, с громадным подъемом приняло постановление: первым из кандидатов от Сталинского избирательного округа в состав Верховного Совета СССР выдвинуть любимого вождя, друга и учителя трудящихся товарища И. В. Сталина. На снимке: участники собрания поют «Интернационал».

ЗА СТАЛИНА, ЗА ЛЮДЕЙ ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОЙ ЗАКАЛКИ

От наших
ленинградских
корреспондентов

В предоктябрьские дни 1917 года на Выборской стороне, у Московской заставы, у Нарвских ворот собралась на митинг суровые и сосредоточенные питерские пролетарии. Они слушали пламенное слово большевиков, а через несколько недель пролетарские когорты полились к стенам Зимнего дворца, сжимая в руках оружие, захваченное в царских арсеналах.

Через двадцать лет — у Московской заставы, на Выборской стороне, у Нарвской заставы, в октябрьские дни 1937 года, тысячи и тысячи рабочих города Ленина собрались на предвыборные собрания, чтобы назвать своих кандидатов в высший орган своей социалистической родины — в Верховный Совет СССР.

По улицам и переулкам Кировского завода прохаживают 22 октября колонны кузнецов и сталеваров, литейщиков и слесарей. Идут рабочие, инженеры, служащие. Со знаменами, оркестрами, песнями идут восемнадцать тысяч человек.

Сейчас они называют имя того человека, которого они хотят видеть своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Первым зовет этот имя старый беспартийный рабочий, стахановец-турбинщик Дмитрий Андреевич Андреев.

Он произносит имя:
Это имя — СТАЛИН!

В торжественной тишине звучат слова отарого рабочего.

— Я вышел на трибуну, чтобы предложить вам выдвинуть в кандидаты лучшего из лучших людей нашей родины. Я предлагаю, товарищи, выдвинуть кандидатом для тайного голосования в депутаты Совета Союза вождя трудящихся всего мира, всем нам любимого Иосифа Виссарионовича Сталина!

Как лавина, внезапно овергающаяся с горных вершин, потрескавшие прогнанные перекатываются по площадке: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует наш великий вождь!», «Горю нашей Конституции — ура!».

И вновь говорит т. Андреев, и каждое слово его близко этим людям исторической улицы Стачек, этим людям Нарвской заставы.

Когда т. Андреев кончает свою речь, когда стихает новая волна бурных оваций, к микрофону один за другим поднимаются рабочие.

Говорят старые кадровики-путловцы, помнящие завоев акционерного общества путловских заводов, прошедшие через стачки и локауты, работавшие в лесу и деревне, не знавшие безработицы и депрессивности рабочего дня, пришедшие в пекло гражданской войны и свободными советскими гражданами.

Имя Сталина, величайшего из людей, повторяется с любовью и нежностью, гордостью и воодушевлением. И когда восемнадцать тысяч рук поднимаются над площадью, утверждая кандидатуру Иосифа Виссарионовича Сталина в депутаты Совета Союза по Кировскому избирательному округу, восемнадцать тысяч голосов залпают боевой пролетарский гимн.

Завод-вуз имени Сталина.

С высокой трибуны, сооруженной около напорного цеха, виден весь обширный двор. В четыре часа дня 20 октября на этой огромной заводской площадке становится тесно.

Общезаводское предвыборное собрание открыто. Тысячи людей напряженно слушают речь, произносимые с трибуны. Первые слова ораторов посвящены товарищу Сталину, творцу Конституции народов Советского Союза.

Когда смолкает гул оваций, председательствующий обращается к собранию:

— Кто хочет, товарищи, предложить кандидатуры в депутаты Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик?

— Я, — радается голос из толпы.

Ряды расступились, пропуская на трибуну старого беспартийного рабочего-стахановца, одного из самых заслуженных людей завода — Аким Захаровича Аракчеева.

Возволающая и яркая его речь.

— Двадцать лет — ничтожный срок, а как много в нашей стране сделано и построено! Вели суло страны перелом мы сами, а рудными был замечательный коринь — партия большевиков. Она вывела нас из голода и разрухи на широкую и светлую доро-

гу. Просто диву даешься, сколько дел переделано, как преобразилась страна и жизнь каждого из нас. Сколько новых заводов, новых городов построено. Два сталинских канала-богатыря соединили юг и север.

Нет больше на карте старой убогой России, есть могучая страна счастливых.

И сейчас, когда меня спрашивают, за кого я отдам свой голос на выборах в Верховный Совет, я отвечаю:

— За людей, открывших нам новую жизнь, за людей, которые вели и ведут страну по победным сталинским маршрутам, за партийных и непартийных большевиков.

Я выставляю кандидатуру старшего пионерского рабочего, пламенного большевика, верного соратника Ленина — Сталина, нашего полюбившего старосту МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КАЛИНИНА.

Из конца в конец огромного заводского двора проносятся ураган приветствий: «Да здравствует Михаил Иванович Калинин, друг и соратник великого Сталина!», «Да здравствует великий Сталин!».

В тот же день — 20 октября — имя Михаила Ивановича Калинина прозвучало с любовью и уважением и на других многотысячных собраниях избирателей Кировоградского избирательного округа.

Славные представители питерского пролетариата, носители революционных традиций героев буховской обороны, рабочие завода «Большевик» внесли в список кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР по Володарскому избирательному округу такого кандидата, который неразрывно связан с народом, который живет его мыслями и отражает его волю. Мы должны выдвинуть такого кандидата, который является пламенным патристом социалистического отечества, который беззаветно предан нашему народу и решительно идет в бой против изменников и врагов нашей родины.

Я думаю, что все вы до единого согласитесь с тем, что таким человеком является секретарь ЦК ВКП(б) и секретарь Ленинградского областного и городского комитетов партии большевиков товарищ Жданов Андрей Александрович.

Партия и товарищ Сталин изучили товарища Жданова всей глубочайшей большевистской сердце невидимых врагов. Они изучили товарища Жданова всей силой большевистского сердца любить трудящийся народ и бороться за его счастье. Не жалея своих сил, Андрей Александрович Жданов, как и подобало большевистско-руководителю, повел нас на борьбу с врагами. И окупившись был удар, который мы нанесли полному предателю из троцкистско-бухаринской шайки. Расчищается советская земля от выродков человечества, гнусных шпионов и диверсантов, продавшихся фашистам...

Аплодисменты, приветственные возгласы, крики «ура» сливаются в мощную симфонию, выражающую великие чувства советского народа, его беспредельную преданность большевистской партии и Сталину.

Пятнадцать человек поднимаются на трибуну, называют имя товарища Жданова, и тысячи участников собрания единодушно присоединяются к ним.

На собраниях в Московском избирательном округе Николая Сметанина называли «сыном трудового народа», «знатным человеком Московской заставы». Но не только в районе, где высятся корпуса «Скорхода», знают и любят товарища Сметанина. Им гордится весь наш город, гордится вся наша страна.

С необычайной тишиной говорят об этом

талантливом человеке, воспитанном партией Ленина — Сталина, и старые общины со «Скорхода», и токарки «Электро-силы», и листопротачники с Ижорского завода.

Яркую речь о т. Сметанине произнес на Ижорском заводе стахановец-листопротач Даниил Иванович Рудов:

— ...Кому, товарищи, мы отдадим свои голоса? На этот вопрос может быть только один ответ. Мы будем голосовать за людей ленинско-сталинской закалки, за людей, вышедших из народа и всей душой преданных народу, отдающих на благо родины все свои силы и знания. Наша страна богата такими людьми.

Сегодня настало время назвать имя человека, которого мы выдвигаем в качестве нашего кандидата в Совет Союза. Мы, рабочие 6-го механического цеха, у себя на собрании обсуждали — чью кандидатуру предложить. И вот, после зрелого обсуждения, мы решили выдвинуть от себя, а потом уже предложить на ваше усмотрение кандидатуру т. СМЕТАНИНА НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА.

Предвыборное общее собрание 22 октября на заводе им. Орджоникидзе (Свердловский избирательный округ) единодушно выдвинуло кандидатом в депутаты Совета Союза железного наркома обороны ИЛИМЕНТИЯ ЕФРЕМОВИЧА ВОРОШИЛОВА.

Поддерживая эту кандидатуру, предложенную героем труда конструктором В. В. Белкинским, старый слесарь Петр Левин сказал:

Все мы горячо любим нашу Красную Армию. В нашем сердце горит искренняя любовь к нашим сыновьям-красноармейцам. И достойный из достойнейших сынов народа, первый красноармеец и маршал Климентий Ефремович Ворошилов лел нам, как самый дорогой и близкий сердцу человек.

В тот же день с огромным подъемом было поддержано общим собранием рабочих и служащих заводов-предприятий (Свердловский избирательный округ) предложение беспартийного кузнеца-стахановца т. Прохорова выдвинуть кандидатуру на славного сталинского наркома ЛАЗАРА МОИСЕВИЧА КАГАНОВИЧА.

— Куда бы партия ни послала Лазаря Моисеевича, везде умелой рукой он наводит большевистский порядок, везде добивается победы. Победа и успех — неразлучные спутники сталинского наркома Лазаря Кагановича!

23 октября на собраниях рабочих, работников, служащих и трудовой интеллигенции Кировского, Петроградского, Смоленского и Фрунзенского избирательных округов выдвинуты кандидатами в депутаты Совета Союза товарищи В. М. МОЛотов, А. А. Жданов, А. Ф. СМЕРНОВА, Н. И. ЕНОВ, М. М. ЛИТВИНОВ, А. И. УГАРОВ, академики А. А. БАЙКОВ и кандидат в депутаты Совета Национальностей т. А. Н. ПЕТРОВСКИЙ.

Через две недели вверх по синичным водам Невы пройдет праздничная «Лавра», вся в флагах и огнях, и станет на то место, откуда двадцать лет назад она поворачивала жерла своих орудий в сторону черных латников Зимнего дворца. И мы, ленинградцы, будем вновь стоять на гранитных набережных, вспоминая великие и героические дни 1917 года. Точно так же никогда не померкнет память и о наших исторических днях, ведающих двадцатилетие великих завоеваний социалистической революции.

Старая работница, участница буховской обороны, т. Шибанова на избирательном собрании завода «Большевик», горькими словами Лермонтова выразила весь мрак и ужас старой помещичьей России:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ...

И в тот же день на избирательном собрании завода им. Сталина стахановец Аким Аракчеев словами другого великого поэта, поэта советской эпохи Владимира Маяковского, выразил новые чувства миллионов граждан социалистической страны:

И жизнь хороша,
и жить хорошо.

Ю. ИСАКОВ
В. ОСТРОВНИКОВ

Окончание см. на 4 стр.

Сказание о В. И. Ленине

Известная сказительница Марфа Семеновна Крюкова посвятила свое первое сказание памяти Владимира Ильича Ленина.

Сказание о Ленине начинается рассказом о том, как старший сын в семье — Александр Ильич — отправился в дальний путь «по царю самому в город Итер же», чтобы «погубить злодеев-царя».

Но когда Александр Ильич «хотел уж пускаться в путь, чтобы взыскать палаты белокаменные со царем да с подданными», его схватили слуги царские и бросили в тюрьму.

А потом: «Выводили его да во широкий двор, во широкий двор кругом стены кирпичные, чтоб честные люди не смотрели, не увидели».

Посередь двора стоит висящая дубовая. Александр Ильич «скорой смерти не боится-то». Он угрожает палачам: «Есть у меня младший братишка».

Владимир Ильич — в сказании — с юных лет мечтает о замечательном будущем, заражая этой своей огненной мечтой окружающих. Он не идет, как его брат Александр, один на один против «царя-зловильца». Он сначала идет «по городам да морям собирать силушку великую».

Цель у него тоже ясна: «убить царя — польза великая, одного убьешь — другой-то сидит царь».

Владимир Ильич ставит себе более обширную задачу.

Нало, надо бороться по-иному, против всех князей, против дворян же, против всего порядка того досельного. Огромный путь борьбы прошел Владимир Ильич, чтобы выполнить эту задачу.

И в далекой сибирской ссылке, и в эмиграции он неустанно работает, пишет о том, как «с царями бороться да с буржуями».

Мечты многих поколений человечества Ильич воплотил в яркую действительность.

Словно огненную бурю гражданской войны провел Владимир Ильич советский народ к лучшей, счастливой жизни.

В борьбе с врагами Владимир Ильич подвинул свое здоровье и тяжело заболел. «Призвал Ильич к себе да друга Сталина, говорил ему голосом от желания пожить».

Не долгий век-то мой да он кончается, Смерть-то скоро моя да приближается, Бер-беря да ты прими клятву, Золоты клятвы от всей величии!».

Уж кому-кому да принимать дела, Братья-то в руки те золоты клятвы, Как не тебе да другу милую, Другу милую да все ведь верную!

Белко было горе утраты, слышна скорбь утраты дней.

С великой силой прозвучала мужественная клятва Сталина, произнесенная над гробом учителя и вождя.

Снимал батыр наш Сталин-свет, Снимал шапочку о голову своей опечаленной.

Говорил он-от народу такую речь: «Мы клядем клятву великую на времена на вечные».

Память о тебе, о великом вожде, сохранилась в сердцах твоих. На все времена по всем величиям. Вечно будет про тебя воспоминание, Воспоминание, тяжелое воздыхание! Мы клядем заповедь промеса себя великую».

Все дела вести по-твоему, как ты велел, По твоим мудростям мы будем жить! Прощай, Ильич, отыдай спокойным сном, Благодарим тебя, Ильич, за все дела твои, За все дела твои за чудесные, за великие».

Это Сталинской клятвы раздалось по всей стране — от термостатных берегов до Ледовитого океана, по всему миру.

Это этой нерушимой клятвы пройдет тысячелетие. Никогда не умрет образ Ленина.

А мавзолью стоит на славы Красной площади, Он ведь сделан из камня чужда браняну,

Эти камешки все народы несли, Каждый народ принес по камешку.

И построили на годы гробный домик. В нем лежит Ильич, почивает он.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ «Я, СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА»

Новая повесть Валентина Катаева «Я, сын трудового народа» — произведение в лучшем смысле слова простое и доступное широкому кругу читателей.

Писатель показал один из эпизодов гражданской войны на Украине, когда миллионы трудящихся — рабочих и крестьян — во главе с большевиками поднялись с оружием в руках отстоять свое право на труд, свободу, свободу жизни и вступили в борьбу за советскую власть.

И маленькая повесть об этом большом и героическом времени написана так, что читатель, захваченный ею, прочтет ее залпом, не отрываясь, покоренный ее талантом, силой, теплотой, лиризмом, глубиной человечности, которой дышит каждая ее строка.

Шел солдат Семен Котко с фронта. Пришел домой, в глухое село, и начал хозяйничать. После некоторых мытарств он добился согласия отца любимой им девушки на брак с нею. Но свадьбу, любовь и мечту о счастливой жизни с Софьей разбивают бурные политические события, ворвавшиеся в глухое украинское село.

Под прикрытием штыков немецких оккупантов власть захватывает гетман Скоропадский. Начинаются карательные экспедиции и жестокая расправа кулацкой, помещичьей и капиталистической над трудовой массой. По деревням свирепствуют немцы и гайдамаки.

Солдат Семен Котко первое время после демобилизации стоял в стороне от развивающихся революционных событий. Но суровая классовая борьба, которая подняла против старого мира огромные массы народа, вторглась в личную жизнь Семена, неизбежно затронула и социальные интересы Семена и коснулась даже его личной жизни.

У Котко открываются глаза на происходящее: сын трудового народа, он совершенно естественно включается в борьбу за proletарскую революцию, за интересы трудящихся, а значит, и за свои собственные.

В Катаеве о большой художественной правде показан этот процесс развития одного из основных героев повести.

«Так, — сказал Семен, глядя в землю, и губы его горько тронулись. — Так. Выходит дело, что должен я темною ночью зайти в подполье коней и вылезать потихоньку, как тот вор, со своего же собственного двора. Было у меня родное семейство: мама-мать, сестричка-сиротка и дичина, с которой мы по нерушимой любви заручились. Была у меня какая-то еда хлеба, и хозяйство, и земля, моими руками поливаемая и потом моим политая. А теперь — выходит дело — жалтели на нас откуда ни возьмись теи злыдни, стали поперек крестьянской жизни и выжидают меня от моего счастья к чертовой матери, куда глаза смотрят, в ту темную ночь ковать по степи, все равно как бродягу-цыгана или того серба с обаянием. И должен я, не дожидаясь солнца, тикать из села, все на свете покинув — и мать родную, и сестричку-сиротку, и землю полюбленную, и дичину зарученную, и сватов своих, без потребы повешенных на добычу ворогам».

Тут Семен вспоминал своего брата, командира Самсона, прощальные его слова и заплакал «досла».

Брат его «нейтральный», стоявший в стороне от революционной борьбы Семен Котко вместе с сотнями других крестьян уходил к партизанам и становится сознательным бойцом за дело трудового народа и социалистической революции. Таковы основные, переданные кончено белое, сюжетные моменты этой талантливой повести, опубликование которой (в № 11 журнала «Красная новь» и отдельной книжкой — «Гослитиздатом») будет безусловно радостным событием для советской литературы, праздничной своей двудеятельности.

Лучшие стороны дарования В. Катаева, писателя, творчески растущего от произведения к произведению, ярчайшим образом выступают в повести «Я, сын трудового народа».

Как и предшествующая книга В. Катаева «Велет парус одинокий», эта новая повесть написана для всех возрастов, ее с одинаковым удовольствием прочтет и широкий читатель, и подросток, и каждый из них найдет в ней для себя вещи интересные и поучительные и то подлинное эстетическое наслаждение, которое доставляет произведение настоящего искусства.

Большая часть повести посвящена истории любви солдата-белая Семена Котко к Софье, дочери кулака, царского фельдфебеля Ткаченко. На фоне взаимоотношений основных героев В. Катаев превосходно рисует картины деревенского быта того времени.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

В языке, которым повесть написана, органически сочетаются русские и украинские слова, русские и украинские обороты речи. В этом стилистическом приеме нет ничего надуманного. Герои повести — украинцы, но солдат Котко, матрос Царев, председатель сельсовета Ремонко, вместе с боевым матросом Царевым героически погибший от руки белых карателей; жадный и злой собственник, что называется «шкура», фельдфебель Ткаченко; жених Фросячки — юный партизан Николай, — их не спутаешь друг с другом, каждый из них говорит по-своему, языком, отлитым от речи собеседника.

К пятидесятилетнему разгрому белогвардейских банд и японских интервентов на Дальнем Востоке. «Переход партизан через тайгу на лыжах» — работа художника Е. О. Машковича, представленная на юбилейную выставку в ЦДКА (Москва).

М. ГУБЕЛЬМАН

15-летие освобождения Приморья

Дальний Восток — богатейший край нашей могучей родины. Где бы ни жила гражданская Советского Союза — даже за десятки тысяч километров от берегов Амура, — Дальневосточный край есть близок и дорог. В наши дни, когда быстроходные советские самолеты протоптали в воздушном пространстве новые короткие пути к Тихому океану, само слово «дальний» потеряло свое значение, оставшись лишь географическим обозначением.

Но 20 лет назад, в годы гражданской войны, дальневосточный театр военных действий был весьма беден, он не мог служить базой для сколько-нибудь значительных сил, оснащенных даже такой слабой техникой, какой располагала тогда наша армия.

Этим воспользовались международные хищники. 23 декабря 1917 г. представители Антанты выработали план интервенции на Дальнем Востоке. Они определили главную роль в этом походе Японии. В своей книге «Мировой кризис» бывший английский военный министр Черчилль писал: «В Сибири был только один союзник, который мог действовать быстро и с надлежащей мощью. Япония была свежа, сильна, готова и глубоко предана делу».

Япония действительно оказалась «готовой и глубоко преданной делу грабежа и насилия». Никогда не забудут трудящиеся Дальнего Востока кровавые дни японской интервенции! Огнем и мечом продились сто тысяч японских интервентов, чешоковали корпус, десять тысяч американских войск, несколько тысяч итальянцев, французов и англичан по городам и селам Дальнего Востока, оставив после себя погребения, горы трупов замученных и повешенных.

К концу августа 1918 г. они захватили власть в Сибири и на Дальнем Востоке с помощью контрреволюционной буржуазии и соглашательских партий.

Пятый съезд советов трудящихся Дальнего Востока 26 августа 1918 г. обратился к волеизъявлению «К братьям трудящимся Америки, Англии, Японии, Франции», требуя отозвания войск интервентов.

«Ни одной ладии своей социалистической родины не уступим без боя», — говорилось в этом воззвании. — Если же под напором вражеских сил мы должны будем отойти от теперь занятых нами позиций, то сделаем это в последнюю минуту... для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглешенных врагов».

Несмотря на все версеты белогвардейской атаманы и японских империалистов, трудящиеся Дальнего Востока под руководством большевиков не склонились красному знамени перед лицом врага. Голодные, разутые, они пошли в партизанские отряды и показывали чудеса храбрости, героической отваги и беспримерной любви и преданности делу партии Ленина-Сталина.

Весь Дальневосточный край представлял в арены военных действий. Страстность духа победы овладела трудящимися, знавшими, во имя чего они идут на борьбу, на смерть, на последний, решительный штурм. Но даже тогда, когда войска Америки,

48 часов без перерыва, днем и ночью, в жестокой морозные части вели героический бой за волеизъявления высоты. Им преграждали путь поволочные заграждения, их поливали смертельными огнем пулеметов, их встречали гранатами и снарядом. Но мужественные воины революции шли вперед с неустрашимой силой, с бошественным упорством.

И припомните не раз нам, Как маячные огни, Штурмовые ночи Спасска, Волочевские дни.

Под натиском народо-буржуазной и партизанской волеизъявления войска в октябре 1922 года отступают к Владивостоку. 6 октября «рать» «сводо» Дитература разбита на позициях разведок Краевский, Духовская и станция Свинино. Красные части захватывают орудия, пулеметы и почти полностью уничтожают инженерные корабельные вооружения.

Белые торопились убраться в защищенный и укрепленный Спасский район, но наши части, преследуя их, 6 октября в 6 ч. за-

хватили станцию Спасская. Вечер упрямый Спасский район был занят нашими частями к 14 час. 35 мин. Много белых офицеров, предателей и врагов Советов было уничтожено нашими героическими войсками, захватившими штаб генерала Молчанова, знамя генерала Капелана, две батареи артиллерии, бронепоезд и много пленных.

Белые попытались задержаться под Мошаст

«Поднятая целина» на сцене Большого театра

КАК Я РАБОТАЛ

Из беседы с композитором
И. Держинским

Как я работал над «Поднятой целиной» —
вопрос это большой и сложный...

Роман «Поднятая целина» Михаила Шолохова всегда поражал меня своей замечательной правдивостью и необычайной реалистичностью его незабываемых образов. Трудно забыть веселых Шукарей, ватку Лушку, коммуниста Давыдова и других персонажей шолоховского романа.

Огромную помощь в работе над оперой прислужил мне конкретные, деловые указания товарища Сталина.

И вот теперь, когда «Поднятая целина» уже плет на сцене Большого Академического театра СССР, я буду искренне удивлен и рад, если эта опера хоть немного будет приближена к тем указаниям, которые были сделаны лично великим Сталиным.

Я стремился к тому, чтобы музыка была органически связана с изображаемой действительностью, чтобы она исходила из народной песенности.

Не яра я побывал и на Дону. Мои поездки к Михаилу Шолохову в станицу Вешенскую и кавказские колхозы в районе Миллерова мне во многом помогли. Я прослушал много народных хоров, видел пляски кавказов в дни подготовки восходной олимпиады самодеятельного искусства.

Нало сказать и о некоторой особенности моей работы. Я за всю жизнь ни разу не записал ни одной олимпийской песни. Мне кажется, что самое главное — это пропитаться духом песни, понять, почувствовать ее и только уж тогда сочинять музыку. В прошлом году на представлении «Тихого Дона» присутствовали доносские казаки. В этот вечер я много вдохновился. Эти артисты казались мне требовательными и строгими. В антракте я беседовал с доносцами.

Спрашивая: «Ну как, похоже? Вот ли казачья правда в этой музыке?» — «Есть», — говорят, — похоже, и очень. Только разная была... Стройней поэт, лучше поэт», — отвечали мне казаки...

Совершенно понятно, что казаки сказали «стройней и лучше», ведь это было в театре. Самое же главное было в аккомпанементе: «похоже». В опере «Поднятая целина» я совершенно сознательно больше место уделял массовым песням — хорам и балетам. В опере много хороших партий, и они тесно связаны с действием, — таким образом хор является подлинным действующим лицом спектакля.

То же самое относится и к балету. В финальной сцене действие происходит в выходящий день. Зритель видит радость и веселье, массовые пляски здесь становятся самостоятельной хореографической картиной.

Хочется сказать о творце романа «Поднятая целина» — о Михаиле Шолохове. Он во многом помог мне и автору либретто оперы — моему брату Л. Держинскому.

Когда мы жили в станице Вешенской, писатель чрезвычайно заботливо относился к нашей работе, давал советы, знакомил нас с теми людьми, кто был воплощен им в образах романа.

Эта творческая дружба может послужить примером для многих наших писателей, чьи произведения переделываются для сцены, в частности для оперы.

Михаил Шолохов понимал, что в оперном представлении есть своя специфика, что некоторые детали и положения нужно иногда изменять, упрощать, переделывать.

Большое спасибо С. А. Самосуду — художественному руководителю Большого театра. Его замечательный художественный вкус, его советы композитору, его умелая работа с молодыми талантливыми артистами крепко помогли и мне.

ТВОРИТЕЛЬСКАЯ ПОБЕДА

С необычайным интересом ждала советская общественность, музыкальная в том числе, премьеры новой оперы И. Держинского «Поднятая целина» — широко известной и заслуженно любимой роман Шолохова, заученной на оперной сцене. Замечательная традиция великих русских композиторов продолжена в советских условиях. Вспомним: «Русская и Людмила», «Русалка», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Золотой петушок» существовали, как литературные шедевры любимого всем народом поэта. Чуткое ухо музыкантов-художников улавливало в пушкинских творениях подлинно музыкальное звучание. Гений Глинки и Даргомыжского, Мусоргского, Чайковского нашел музыкальный эквивалент поэтическим прообразам.

Перед молодым и чрезвычайно одаренным Держинским стояла задача, не менее ответственная и глубокая. Роман о жизни людей, знакомых зрителям и слушателям оперы, вовсе не понаслышке, а из ежедневной общности с ними, — и трудно и легко укладывался в рамки музыкально-драматического представления.

Трудность музыкальной интерпретации заключается в том, что автор имел дело с органически цельным, до мельчайших деталей художественным произведением, изобразившим в реалистических образах существование классовых борющихся в деревне в 1929—1930 гг. Шолохов захватывает читателя мастерской легкой драматической законченностью образов. Через слова людей затрагивает порой очень сложные перипетии человеческих общественных и личных отношений, писатель, глубоко знавший описываемый быт, — рисует рождение колхозного строя в доносских степях.

Но, с другой стороны, воплощение романа Шолохова в музыке и легко, потому что хотя он и написан в прозе, но певуч, органически музыкален и по строению самой речи, языка и по архитектонике своей. Но строгости, непрерывности развивающегося драматического действия.

Разумеется, трудность и легкость музыкального осмысления романа Шолохова — относительны и условны. И предвзятая ссылка на продолжение традиций русских композиторов-классиков советскими молодыми мастерами — также относительна. Суть в том, что внимание советских мастеров музыки закономерно обращено на литературные произведения, проверенные временем и вкусом, симпатичные народу.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

Опера написана и поставлена в лучших оперных театрах Союза — Большом театре. Поставлена образцово, талантливо, с огромным знанием дела, любовью, тщательностью. Народный артист СССР Самосуд никогда не понимает своей роли дирижера узко-специально. Он всегда является подлинным.

сплошно акцентированы в этом обаятельном, полном женственности и красоты образе.

Народность оперы «Поднятая целина» — ее главное и основное достоинство; это достоинство находит себе блестящее подтверждение в музыкально-драматической обработке Лушки.

Лушка не идеализируется композитором. Но она так жизненна, так удивительно естественна в своих мелодиях, в своей оркестровой мотивации. И одна из самых положительных моментов спектакля — это игра заслуженной артистки Кругликовой, которая вылила свои Лушкы мастерски, темпераментно и с предельной искренностью.

Ни одного фальшивого, надутого жеста, ни одной позы — во всем жизнь, простота и обаяние. Это обыкновенная женщина колхозной деревни, прошедшая ряд испытаний, но напелшая себя — и личную судьбу и общественную ценность жизни — через коллектива, через уважение к своему и чужому труду.

Многогранная, лирически-настроенная и веселая, нерешительная в начале, поверившая живым песням полного кулака — гуляки и хулигана Тимофея, Лушка сердцем, а потом и разумом чужд, что правда, но и в другом, в Давыдове, в человеке, олицетворяющем ослепительный свет и тепло ленинско-сталинской заботы о человеке.

Лушка бросает мужа, Нагульнова, партизана в прошлом и сельского коммуниста в настоящем, когда происходит яростная борьба кулаков против скрытых и явных врагов колхозного строя. Этот факт воспринимается естественно. Чужие друг другу люди — Лушка и Нагульнов не помогают, а мешают идти каждому своей дорогой.

Нагульнов партизан и в колхозе. Чистосердечно желая добра колхозу, он своим переживаниям придает вред, а не пользу. Не методом убеждения действует Нагульнов, подобно Давыдову, а административными мерами. Нагульнов объективно действует на руку врагам, поддвываясь на регулирующему рассудком чувству.

Центральный образ романа является Давыдов. Его, рабочего, двадцатипятилетнего человека послала партия в деревню для организации колхозов и борьбы с кулачеством.

Для музыкального воплощения — что и говорить — трудная фигура. Это тот положительный тип, который и в драматургии и в литературе удается далеко не часто и авторам и актерам.

Держинский невольно возводит Нагульнова на пьедестал героя. Он — в опере центральное лицо, наряду с Лушкой, хотя и совсем по другим линиям. Его арка в 3-м акте, в сцене после исключения из партии, — одно из сильных музыкальных мест в опере. И эта же сцена окончательно не-

вернула талантам на сцене рабочих и крестьян, ранее подавленным и уничтоженным капиталистическим строем. Пролеткульт, обидный в 1920 г. 300 организаций с 80.000 студийками, издававший 15 журналов, провел большую работу по собиранию кадров дореволюционных писателей-рабочих и по воспитанию молодых писателей, совмещающих учебу в студии с работой на производстве. Но два порока в своей основе существующих момента — стремление к «автономии» в организационной структуре и богдановщина, являющаяся его теоретической базой, значительно обесценивали его работу и во многих случаях приводили к результатам, враждебным строительству социалистической культуры.

В своем письме о Пролеткульте, опубликованном в «Правде» от 1 декабря 1920 г., ЦК РКП(б) характеризует сложившееся положение следующим образом:

«Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульт продолжал оставаться «независимым», но теперь это была уже «независимость» от советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в Пролеткульте закрепились социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые много фактически захватывают руководство Пролеткультом в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму, идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где направлять всеми делами в Пролеткульте».

Под влиянием «пролетарской культуры» рабочий преисполняется буржуазными взглядами и философией (махизм). А в области искусства рабочий прививался каленым, нагретым вкусом (футуризм)».

Ленин, все эти годы следивший за деятельностью Пролеткульта и упоминавший об намерениях в строительстве новой культуры, в ряде своих речей энергично вмешивался в дела этой организации, написав во время съезда Пролеткульта в 1920 г. свой знаменитый проект резолюции о пролетарской культуре, в которой он называет «теоретически неверными» и «практически вредными» попытки Пролеткульта выдвинуть свою особую культуру, замкнутую в обособленные «автономные» организации, и настаивает на подчинении Пролеткульта Наркомпросу и партии.

Основная культурная организация, которая должна была быть активным строителем социалистической культуры, — Пролеткульт не могла выполнять поставленных перед ней задач. Великая пролетарская революция дала возможность раз-

вернуть талантам на сцене рабочих и крестьян, ранее подавленным и уничтоженным капиталистическим строем. Пролеткульт, обидный в 1920 г. 300 организаций с 80.000 студийками, издававший 15 журналов, провел большую работу по собиранию кадров дореволюционных писателей-рабочих и по воспитанию молодых писателей, совмещающих учебу в студии с работой на производстве. Но два порока в своей основе существующих момента — стремление к «автономии» в организационной структуре и богдановщина, являющаяся его теоретической базой, значительно обесценивали его работу и во многих случаях приводили к результатам, враждебным строительству социалистической культуры.

В своем письме о Пролеткульте, опубликованном в «Правде» от 1 декабря 1920 г., ЦК РКП(б) характеризует сложившееся положение следующим образом:

«Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульт продолжал оставаться «независимым», но теперь это была уже «независимость» от советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в Пролеткульте закрепились социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые много фактически захватывают руководство Пролеткультом в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму, идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где направлять всеми делами в Пролеткульте».

Под влиянием «пролетарской культуры» рабочий преисполняется буржуазными взглядами и философией (махизм). А в области искусства рабочий прививался каленым, нагретым вкусом (футуризм)».

Ленин, все эти годы следивший за деятельностью Пролеткульта и упоминавший об намерениях в строительстве новой культуры, в ряде своих речей энергично вмешивался в дела этой организации, написав во время съезда Пролеткульта в 1920 г. свой знаменитый проект резолюции о пролетарской культуре, в которой он называет «теоретически неверными» и «практически вредными» попытки Пролеткульта выдвинуть свою особую культуру, замкнутую в обособленные «автономные» организации, и настаивает на подчинении Пролеткульта Наркомпросу и партии.

Основная культурная организация, которая должна была быть активным строителем социалистической культуры, — Пролеткульт не могла выполнять поставленных перед ней задач. Великая пролетарская революция дала возможность раз-

вернуть талантам на сцене рабочих и крестьян, ранее подавленным и уничтоженным капиталистическим строем. Пролеткульт, обидный в 1920 г. 300 организаций с 80.000 студийками, издававший 15 журналов, провел большую работу по собиранию кадров дореволюционных писателей-рабочих и по воспитанию молодых писателей, совмещающих учебу в студии с работой на производстве. Но два порока в своей основе существующих момента — стремление к «автономии» в организационной структуре и богдановщина, являющаяся его теоретической базой, значительно обесценивали его работу и во многих случаях приводили к результатам, враждебным строительству социалистической культуры.

В своем письме о Пролеткульте, опубликованном в «Правде» от 1 декабря 1920 г., ЦК РКП(б) характеризует сложившееся положение следующим образом:

«Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульт продолжал оставаться «независимым», но теперь это была уже «независимость» от советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в Пролеткульте закрепились социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые много фактически захватывают руководство Пролеткультом в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму, идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где направлять всеми делами в Пролеткульте».

Под влиянием «пролетарской культуры» рабочий преисполняется буржуазными взглядами и философией (махизм). А в области искусства рабочий прививался каленым, нагретым вкусом (футуризм)».

Ленин, все эти годы следивший за деятельностью Пролеткульта и упоминавший об намерениях в строительстве новой культуры, в ряде своих речей энергично вмешивался в дела этой организации, написав во время съезда Пролеткульта в 1920 г. свой знаменитый проект резолюции о пролетарской культуре, в которой он называет «теоретически неверными» и «практически вредными» попытки Пролеткульта выдвинуть свою особую культуру, замкнутую в обособленные «автономные» организации, и настаивает на подчинении Пролеткульта Наркомпросу и партии.

Основная культурная организация, которая должна была быть активным строителем социалистической культуры, — Пролеткульт не могла выполнять поставленных перед ней задач. Великая пролетарская революция дала возможность раз-

вернуть талантам на сцене рабочих и крестьян, ранее подавленным и уничтоженным капиталистическим строем. Пролеткульт, обидный в 1920 г. 300 организаций с 80.000 студийками, издававший 15 журналов, провел большую работу по собиранию кадров дореволюционных писателей-рабочих и по воспитанию молодых писателей, совмещающих учебу в студии с работой на производстве. Но два порока в своей основе существующих момента — стремление к «автономии» в организационной структуре и богдановщина, являющаяся его теоретической базой, значительно обесценивали его работу и во многих случаях приводили к результатам, враждебным строительству социалистической культуры.

В своем письме о Пролеткульте, опубликованном в «Правде» от 1 декабря 1920 г., ЦК РКП(б) характеризует сложившееся положение следующим образом:

«Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульт продолжал оставаться «независимым», но теперь это была уже «независимость» от советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в Пролеткульте закрепились социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые много фактически захватывают руководство Пролеткультом в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму, идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где направлять всеми делами в Пролеткульте».

Под влиянием «пролетарской культуры» рабочий преисполняется буржуазными взглядами и философией (махизм). А в области искусства рабочий прививался каленым, нагретым вкусом (футуризм)».

Ленин, все эти годы следивший за деятельностью Пролеткульта и упоминавший об намерениях в строительстве новой культуры, в ряде своих речей энергично вмешивался в дела этой организации, написав во время съезда Пролеткульта в 1920 г. свой знаменитый проект резолюции о пролетарской культуре, в которой он называет «теоретически неверными» и «практически вредными» попытки Пролеткульта выдвинуть свою особую культуру, замкнутую в обособленные «автономные» организации, и настаивает на подчинении Пролеткульта Наркомпросу и партии.

Основная культурная организация, которая должна была быть активным строителем социалистической культуры, — Пролеткульт не могла выполнять поставленных перед ней задач. Великая пролетарская революция дала возможность раз-

вернуть талантам на сцене рабочих и крестьян, ранее подавленным и уничтоженным капиталистическим строем. Пролеткульт, обидный в 1920 г. 300 организаций с 80.000 студийками, издававший 15 журналов, провел большую работу по собиранию кадров дореволюционных писателей-рабочих и по воспитанию молодых писателей, совмещающих учебу в студии с работой на производстве. Но два порока в своей основе существующих момента — стремление к «автономии» в организационной структуре и богдановщина, являющаяся его теоретической базой, значительно обесценивали его работу и во многих случаях приводили к результатам, враждебным строительству социалистической культуры.

В своем письме о Пролеткульте, опубликованном в «Правде» от 1 декабря 1920 г., ЦК РКП(б) характеризует сложившееся положение следующим образом:

«Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульт продолжал оставаться «независимым», но теперь это была уже «независимость» от советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в Пролеткульте закрепились социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые много фактически захватывают руководство Пролеткультом в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму, идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где направлять всеми делами в Пролеткульте».

Под влиянием «пролетарской культуры» рабочий преисполняется буржуазными взглядами и философией (махизм). А в области искусства рабочий прививался каленым, нагретым вкусом (футуризм)».

Ленин, все эти годы следивший за деятельностью Пролеткульта и упоминавший об намерениях в строительстве новой культуры, в ряде своих речей энергично вмешивался в дела этой организации, написав во время съезда Пролеткульта в 1920 г. свой знаменитый проект резолюции о пролетарской культуре, в которой он называет «теоретически неверными» и «практически вредными» попытки Пролеткульта выдвинуть свою особую культуру, замкнутую в обособленные «автономные» организации, и настаивает на подчинении Пролеткульта Наркомпросу и партии.

Основная культурная организация, которая должна была быть активным строителем социалистической культуры, — Пролеткульт не могла выполнять поставленных перед ней задач. Великая пролетарская революция дала возможность раз-

БОЛЬШОЙ ПОЧЕТ

Заслуженный артист республики
Б. Евлахов

Роль Давыдова — одна из самых главных в опере. Рабочий-двадцатипятилетний, посланный партией в деревню помогать крестьянству, должен передать крестьянам опыт политического опыта городского рабочего-коммуниста. До сих пор наша оперная сцена не видела таких героев. Из этого и вытекает вся трудность для артиста, исполняющего его роль.

Большой почет для советского артиста роль образа большевика, организатора колхоза.

Над поручением мне театром партии я работал с особым воодушевлением и упорством. Мне кажется, я использовал все, что могли мне дать музыка и текстовый материал. Трудность заключается в том, что надо дать образ, близкий к роману Шолохова и в то же время соответствующий музыке, обрисовке его композитором.

Нало избежать оперных штампов, образ должен быть искренним и живым. Малейшая холодность, неискренность, неверная музыкальная интонация искажает образ большевика-рабочего.

Громадную помощь в освоении партии Давыдова оказали мне дирижер народных артист С. А. Самосуд и режиссер Б. А. Мордвинов, давшие много ценных указаний и создавшие обстановку радостной творческой работы всего коллектива участников оперы. Общей энтузиазм в работе, коллективное творчество помогли преодолеть оперные штампы.

Огромная радость и честь быть участником спектакля, который театральная общественность оценивает как творческую победу Большого театра.

ЛУШКА БЛИЗКА И ПОНАТНА МНЕ

Заслуженная артистка республики
Е. Д. Кругликова

В детстве я жила с родителями в Подольске. Мой отец и мать приехали туда из деревни, но связь с одноклассниками не порывалась.

Я помню ясно, как сейчас, этих деревенских девушек, их повадки, манеру говорить, смеяться. Я вообще обладаю странным свойством запоминать детали. Часто, совсем непроизвольно и неожиданно для самой себя, я вдруг вспоминаю качества мелочи, незначительные подробности, неизвестно почему освещающие в памяти.

Это свойство я оценила теперь, работая над ролью Лушки. Все, что я видела в детстве, все мои милые и нежные воспоминания воскресли в памяти, когда я стала играть образ крестьянской девушки. Внешний рисунок роли сделан именно по этим воспоминаниям.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

1826 г.

Чтение Пушкиным
«Бориса Годунова»

В Москве, на углу Армянского и Кривоколенного пер. на доме № 4 прикреплена мемориальная доска со следующей надписью: «В этом доме родился и жил поэт Дмитрий Владимирович Веневитинов. 1806—1827». С этим литературным домом старейшая Москва связана воспоминанием о чтении Пушкиным «Бориса Годунова» в тесном кругу друзей.

8 сентября 1826 г. Пушкин, «прошпанный» Николаем I, был на Михайловского приводе в Москву в сопровождении фельдгера — «свободно, под надзором, не в виде арестанта».

Вести о приезде Пушкина быстро разошлись по Москве. Москва приняла его с восторгом, — вспоминал один из современников поэта, Шенер, — везде его носили на руках. Приезд поэта составлял событие в жизни нашего общества». Друга Пушкина были сильно заинтересованы тем, что написал он в своем вынужденном деревенском уединении.

Слух о привезенной им готовой трагедии «Борис Годунов» уже распространился в литературных кругах. На третий же день по приезде Пушкин прочел свою трагедию С. А. Соболевскому, два раза читал ее у П. А. Вяземского, дважды же у Веневитинова, затем у Баратынского и Наполеона. О чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у Веневитиновых 24 октября 1826 г. сохранились восторженные воспоминания Погудина.

Мы все просто как-будто обомлели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Не стало сил поддерживать. Один вдруг вскопнул с места, другой вскрикнул. У кого да глаза слезы, у кого улыбка на губах. То молчанье, то восторг, то восхищение... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объяснения, поднимался шум, раздавался смех, полились слезы, поздравления... Явился шампанское, и Пушкин воодушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше внимание. Он начал нам, подвывая паре, читать о Стевике Разине, предисловие к «Гусляну и Людмиле». Не помню, как мы разошлись, как докончили день, как улеглись спать.

О чтении Пушкиным его еще незавершенных произведений узнал шеф жандармов Бенкендорф. И так как Николай I в разговоре своем с Пушкиным объявил ему, что будет теперь сам его цензором, то Бенкендорф и послал поэт письмам выговор, поставив ему на вид чтение произведений, еще не прошедших царской цензуры.

Николай I, получив рукопись «Бориса Годунова», положил следующую резолюцию: «Я читаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очинением передала комедия свою в историческую повесть или роман на подобие Вальтера Скотта».

Пушкин от переделки отказался. «Жалею», — писал он Бенкендорфу, — что я не в силах уже переделать мою одиозную написанную».

Ленин и Сталин
в стихах
и песнях

Под этим заглавием в издании Журналистско-газетного объединения вышел небольшой сборник народного фольклора и поэзии народов СССР, посвященный гениальным вождям Великой Октябрьской социалистической революции.

Составитель сборника — Александр Чичиков — взял очень широкий диапазон: он включил в сборник, наряду с произведениями фольклора, сказаниями и песнями агитаторов, сравнительно много произведений поэзии народов СССР, в частности такие яркие произведения, как отрывки из поэмы Владимира Маяковского «Ленин», Демьяна Бедного — «Плетенье жизни».

Наиболее широко представлен в сборнике народный фольклор, причем наряду с русским народным творчеством («Камени Москва вся пропала» — о смерти В. И. Ленина, «Казачья дума о Сталине», сложная казачья а. Исаковского, марш колхозного казачества и др.) в сборнике нашли себе место некоторые образцы украинского, грузинского, казахского, кабардинского и др. народного фольклора.

Страницы
замечательной
жизни

Союзгиз выпускает книгу Алексея Стаханова «Рассказ моей жизни». Просто, без прикрас, без любования собственными подвигами рассказывает он о своих жизненных этапах.

Особенная глава в книге Алексея Стаханова посвящена его пребыванию в Москве, его встречам и беседам с руководителями партии и правительства.

Книга А. Стаханова зовет к упорной, всепобеждающей борьбе за коммунизм, к новым завоеваниям на фронтах науки, техники, искусства.

БЕСПЕЧНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ
МУЗГИЗА

Двадцатую годовщину Великой социалистической революции вся страна встречает новыми радостными песнями. Наши поэты и музыканты создали много новых прекрасных песен о великом вожде народов товарище Сталине, о нашей прекрасной родине, о Сталинской Конституции и счастливой радостной жизни, расцветающей в наших городах и колхозах.

Но по милости беспечных руководителей Музгиза наши профессиональные хоры и вся музыкальная самодельность переживают горькое разочарование — нет нот.

Давно пора приступить к разучиванию новых песен, достойных наступающего в стране великого торжества, но беспечно искать ноты в нотных магазинах.

Еще недавно газета «Музыка» (редактор В. М. Горюхицкий), печатая беседу с управляющим Музгизом т. М. А. Гринбергом, убавляла себя и музыкальную общественность щедрыми обещаниями.

«Основу плана издания Музгиза к релизному дате», — заявлял в беседе с сотрудником газеты М. А. Гринберг, — составляли песенные и хорные произведения. Из них следует в первую очередь отметить два сборника песен: о Ленине и Сталине; сборник народных песен и сборник песен советских композиторов».

«Издательство», — говорил Гринберг, — готовит также и другие песенные сборники: сборник избранных популярных песен советских композиторов (для голоса с фортепиано), сборник новых массовых песен, сборник песен Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски, международный сборник русских массовых песен (на русском, французском, английском и испанском языках)... и т. д.

Все эти щедрые Музгиз рассыпал перед музыкальной общественностью в газете «Музыка» от 6-го июля текущего года.

Как же реализуется пексель, выданный Музгизом советской общественности? Ни

одно из изданий, указанных в цитированной беседе с т. Гринбергом, фактически не выпущено и нет никаких оснований рассчитывать, что они могут быть выпущены к октябрьским торжествам.

Более того, Музгиз до сих пор не опубликовал ни одной песни о Сталинской Конституции из тех многочисленных песен, посвященных всезнающему сталинскому закону, которые звучат сейчас на языке всех народов СССР.

Из выпущенного Музгизом в сентябре сборника десяти песен, включая и «Песню о родине» В. Лебедева-Кумача, почему-то оказался исключенным написанный уже к тому времени поэтом дополнительный текст, посвященный Сталинской Конституции.

Музгиз в последнее время выпустил массовым двухсоттысячным тиражом сборник песен композитора-орденоносца И. Дунаевского. Но сделав столь небрежно, допустив при этом в одной из наиболее популярных песен композитора чудовищную опечатку, что это вызвало решительные протесты со стороны потребителей сборника, и Музгиз вынужден был снять его с продажи.

Снабжение периферии новыми песнями Музгиз уже явно сорвал, едва ли в лучшем положении окажутся и хорные коллективы Москвы.

В номере от 16 октября «Музыка» сообщает: «Музгизом начата работа по сбору Краснознаменного ансамбля песни и пляски Союза ССР, совершенно умалчивая, что между моментом начатия и появления сборника на полках музыкальных магазинов «дистанция огромного размера» и нет никаких оснований рассчитывать воспользоваться сборником на октябрьских торжествах».

Пора Всесоюзному комитету по делам искусства известить общественность о порядке в подведомственном ему Музыкальном издательстве.

В. БАРМУЗ.

В ПРЕЗИДИУМЕ
ССР

Вчера на расширенном заседании Президиума правления ССР под председательством П. Павленко обсуждался вопрос о приеме и переводе кандидатов в члены Союза советских писателей.

Собрание носило весьма оживленный характер. Вокруг каждой кандидатуры неизменно возникали споры. Не следует отметить, что в большинстве случаев споры эти отличались беспечностью. Выяснилось, что, как правило, московские писатели и критики знакомы лишь с произведениями столичных писателей. Во всех же случаях, когда обсуждался вопрос об авторах книг, вышедших на периферии, приходилось целиком доверяться рекомендациям местных литературных организаций.

К сожалению, и рекомендации эти были весьма абстрактны. Так, президиум не был представлен конкретными соображениями о творческом лице группы ленинградских писателей, о которых на собрании шла речь. Писатели эти, правда, приняты в члены ССР (Геннадий Гор, П. Евстафьев, Г. Федоров, сценарист Каплер) и в кандидаты Союза (В. Гринина), но осталось чувство неопределенности тем несколько бюрократическим характером, которым отличалась вся процедура приема.

Общие чувства горячо выразил С. Кирпачев, заявивший, что «посвящение в писатели» должно носить более праздничный, более творческий характер, а не являться актом формального порядка.

В этом смысле наиболее отчаянным моментом явилось обсуждение кандидатуры молодого ленинградского поэта П. Шубина. На собрании были зачитаны его стихи, и это явилось лучшей аргументацией в пользу поэта, единодушно принятого в кандидаты.

Собрание приняло решение о переводе в члены ССР драматургов А. Крона и М. Гальперина, писательницы О. Немуровой и утвердило постановление секретариата об исключении Марьянова из рядов ССР за негодность советского писателя поведения.

По докладу т. Артуровича единодушно принято решение о выводе из состава правления ССР Микитенко (Украина), Сейфуллина (Казахстан), Золотова (Чувашия), Томилова (Киргизия), Малжиди (Узбекистан) и Субочкова.

Сегодня заседание президиума продолжается. В повестке дня — доклад о работе ССР Украины, доклад бюро секции критиков об обзоре «Советская литература за 20 лет» и другие вопросы.

О МОЛОДЫХ
ПИСАТЕЛЬСКИХ
КАДРАХ

Советская литература в значительной мере освободилась и освобождается от всякого рода проходимцев и случайных в литературе людей. Наряду с этим чрезвычайно важно создать условия непрерывного притока в ряды советских писателей свежих молодых сил.

Однако вопросам приема новых членов Союза писателей почти два года не занимались. За это время в ССР накопилось свыше ста заявлений о приеме.

Секретариат Союза писателей постановил в течение ближайших месяцев рассмотреть все заявления о приеме в союз и выделить для этого по Москве специальную группу писателей: тт. Суркова, Фадеева, Панферова, Леонова, Визинского, Ромашова и Погудина. Однако кроме тт. Визинского, Погудина и Суркова никто из упомянутых писателей не участвует в подготовке нового приема, отговариваясь «срочной работой» и недосугом.

Правление Союза приняло принципиально важное решение, чтобы до обсуждения кандидатур писателей, вновь принимаемых в ССР на президиуме, в печати была дана обстоятельная оценка его творчества. Однако секция прозаиков, критиков и переводчиков условия этого не выполняла. Большим писателям, выдвинувшимся до этого.

В результате братья Тур, например, до сих пор состоят в кандидатах ССР: некому о них статью написать.

Многие писатели считают недостатком своего пера написать статью о новом, подающем надежды, писателе.

Партийная группа правления ССР признала создавшееся положение ненормальным и обратила на это внимание выделенной комиссии по приему и руководителям секции ССР.

Работа с молодыми литературными кадрами и вовлечение наиболее талантливых из них в семью советских писателей — почетная задача каждого советского писателя. Пренебрегать этим могут лишь те, кто вообще безразлично относится к росту советской литературы.

П. УЖАЛЫНС.

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Сегодня в 4 часа дня на совместном заседании Президиума Союза советских писателей и Союза советских композиторов (ул. Воровского, 50, Дом советского писателя) будут обсуждены вопросы советской песни.

Обсуждение будет сопровождаться демонстрацией новых песен солистами и хором Радикомита.

В совещании приглашаются принять участие все советские поэты и композиторы, а также исполнители советских песен.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОЮЗ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

А. П. ЧАПЫГИН

ЛЕНИНГРАД (По телефону от нашего корреспондента). Вечером 21 октября, в своей квартире на улице Литераторов, после продолжительной болезни скончался один из старейших советских писателей Алексей Павлович Чапыгин.

Гроб с телом А. П. Чапыгина был перевезен в Дом писателя им. Маяковского.

Огромные венки живых цветов были возложены на гроб ленинградским отделом Союза писателей, группой писателей, Литературным фондом, писателями Москвы и Ленинграда.

23 октября, в день похорон, отдать последние долг скончавшемуся писателю пришли его друзья и товарищи по литературе, художники, композиторы, студенты и школьники, читатели его прекрасных произведений. Пришла и группа старых майяков, давних товарищей Алексея Павловича, на маларному цеху. Из Москвы прибыла делегация в составе К. Федина, Ю. Олени и М. Серебрянского.

В последний почтовый караван становятся Ю. Тынянов, К. Федин, Б. Лавренев и Г. Миропитченко.

Смокает траурный марш.

«Советскую литературу постигла большая утрата», — говорят от секретаря Ленинградского Союза писателей А. Шабова, — умер выдающийся писатель-самородок, выросший из народа. Его свое творчество Алексей Павлович посвящал народу, нашей стране. Он был подлинным непартийным большевиком, до конца преданным родине.

«Мы пройдемся сегодня с дорогим другом и товарищем, чудесным человеком, замечательным русским писателем, — говорит Н. Тихонов. — Из глухих и темных северных лесов пришел крестиком Алексей Чапыгин и принес с собой правду о русском народе и веру в него. Его «Разин Степан», как прекрасный памятник русской истории, останется навсегда в нашей литературе».

«Десять лет назад», — вспоминает К. Федина, — вышел роман Чапыгина «Разин Степан». Это был первый большой исторический роман, принесший его автору подлинную народную славу. И с тех пор А. П. Чапыгин остается в первом ряду русских писателей, работавших над историческими произведениями».

Гражданская панника окончена. Пол скорбные звуки оркестра писатели выносят гроб и устанавливают его на катафалк. Медленно движется процессия по улицам Ленинграда.

У могилы последние слова прощания провозгласил Н. Брыкин, М. Серебрянский и Б. Вальбе.

А. П. Чапыгин похоронен на кладбище б. Александровской заставы, рядом с могилами Гончарова и Мамая-Сибиряка.

Секретариат ленинградского отделения Союза советских писателей для увековечения памяти А. П. Чапыгина решил издать критико-биографическую книгу о его жизни и творчестве.

Кроме того, союз ставит вопрос перед издательством об издании посмертного собрания сочинения А. П. Чапыгина.

Безответственность
секции критиков

Считанные дни отделяют нас от двадцатилетия Великой социалистической революции. Народ торжественно готовится к этой замечательной дате. Он с гордостью оглядывается на пройденный путь, подводит итоги достижений, завоеванных в напряженных суровых боях с многочисленными кланями врагов.

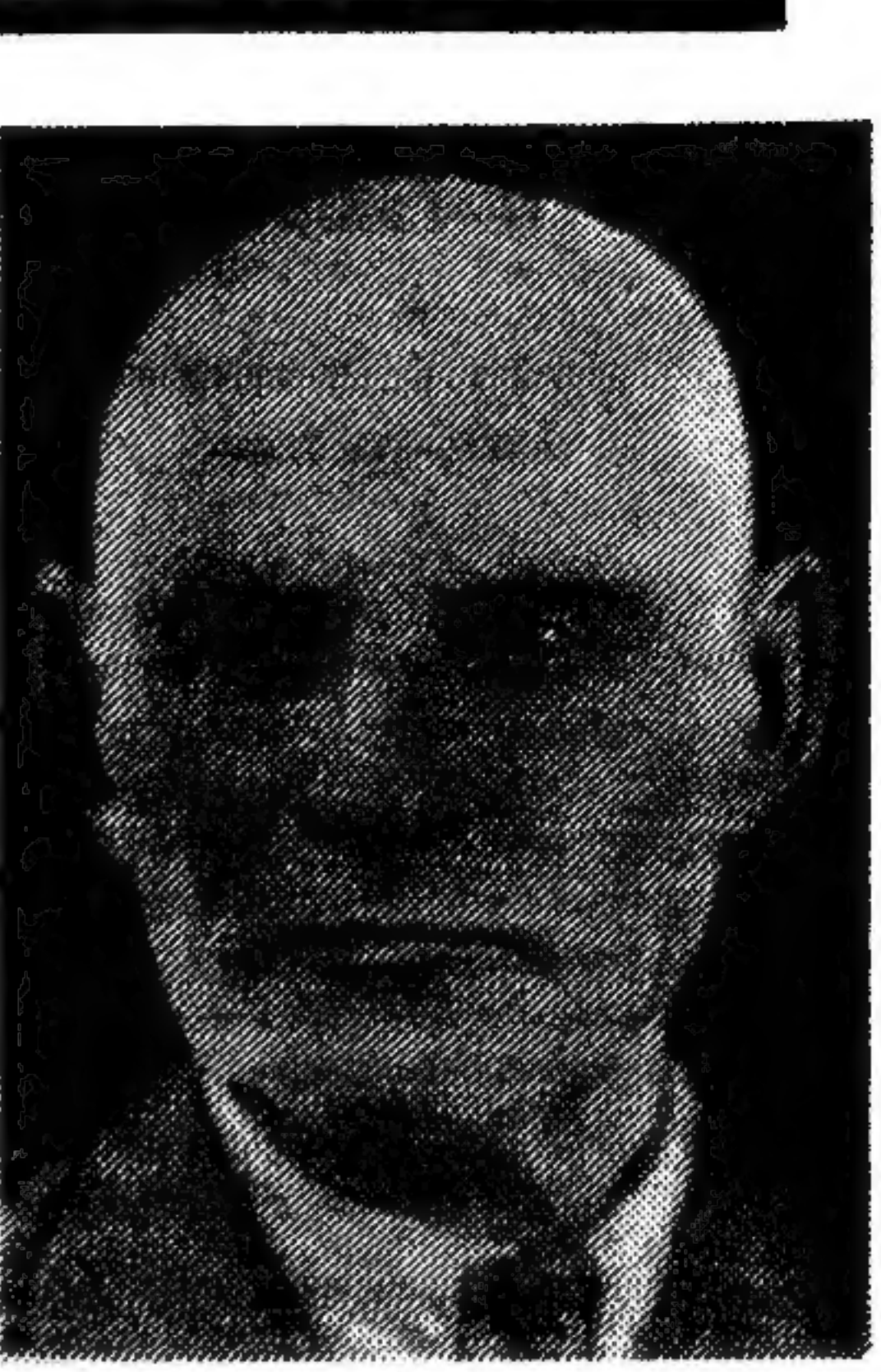
Одним из величайших результатов победоносного развития революции является неслыханный расцвет литературы народов СССР. Об этом всем этом нужно в дни двадцатилетия обстоятельно рассказать массам, весь этот опыт необходимо осмыслить и обобщить. Такая задача, конечно, не под силу отдельным людям. Ее можно осуществить лишь коллективными усилиями, привлекая к этому делу лучших представителей советской критики. Именно это и имел в виду Президиум ССР, поручив 1 сентября бюро критической секции и персонально т. М. Розенталью заняться этим вопросом, разработать соответствующие тезисы.

Но бюро секции критиков и его руководители т. Розенталь проявили совершенно непостижимую безответственность к поставленному Президиуму ССР. Эта безответственность, это непонимание всей политической важности порученного секции критики дела привели к тому, что тезисы были составлены наспех лишь в самые последние дни и даже не подверглись обсуждению внутри секции. К чему приводит такая работа, с достаточной яркостью свидетельствуют те примеры, которые были приведены на последнем заседании правления ССР.

В тезисах этих дается совершенно неверное представление о русской дореволюционной и советской драматургии, они изобилуют неправдами и просто курьезными формулировками и написаны небрежно, суконным, бюрократическим языком.

На уровне драматургических тезисов оказались тезисы по прозе и поэзии.

Все это свидетельствует о том, что критическая секция еще продолжает быть фикцией, какой она являлась в течение почти всего периода своего существования.

Памяти
Чапыгина

Скончался писатель Алексей Павлович Чапыгин.

Олеонций суровый край, край древних былин и сказаний, край «звериных троп» дал нам прекрасного мастера слова. Из крестьянской среды, человек с тридцатилетним опытом на скитаниях «мастерской майярового пеха» вышел в крупнейшее русское писание. О своей трудной жизни в парской России А. П. Чапыгин рассказывал в повести «Жизнь моя».

Упорный труд помог А. П. Чапыгину овладеть подлинными знаниями и подлинным искусством. Он шел по стопам А. М. Горького. Алексей Максимович считал его как человека и писателя.

Жизнь этого замечательного человека оборвалась на 67 году, но он не был стар — энергия и неустанный труд делали его человека неиссякаемой молодости. Это чувство каждый, кто встречался с Чапыгиным, испытывал.

Он нередко приезжал в Москву, поддерживая с нами дружеские отношения. Мы встречались с ним и в дни радости (Первый всесоюзный съезд советских писателей), и в дни печали (похороны М. Горького).

Писатель отличался большой скромностью. Он был скуп на слова, но если говорил, то каждое его слово являлось веским и поучительным. Искусство, литература составляли все для Чапыгина. Им он жил.

До 1915 года Чапыгин своим выпуском только книгу рассказов и романов из жизни родного края — «Белый скит» и «На безжизненных озерах». После Октябрьской социалистической революции вышли основные его произведения: «Разин Степан», «Жизнь моя» и «Улыбка лодки».

Из рядов советских писателей вырос талантливый мастер слова. Советскому молодому поколению он навсегда будет служить хорошим примером.

ИВ. КАСАТИН, С. ФОМИН, Г. ГЛАДКОВ, Н. НИКАНДРОВ, ВЛ. БАХМЕТЬЕВ, А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ.

Репертуар
чтецов

Организованный Всесоюзным комитетом по делам искусств конкурс мастеров художественного чтения на лучшее исполнение произведений октябрьского репертуара проводится впервые. Преобладающее число участников конкурса — московские мастера, широко представленные Ленинград, Москва, Киев, Харьков, Одесса, Свердловск, Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, Горький, Днепропетровск, Барнаул и даже Александровск на Сахалине.

В состав жюри входят народные артисты, поэты, критики. Со дня открытия конкурса — 15 октября — в клубе мастеров искусств, где проходит конкурс, выступило около полудюжины чтецов.

Интересен репертуар, подготовленный чтецами для конкурса.

Чаще всего речаются о эстрады полные революционного пафоса стихи Владимира Маяковского. Более ста чтецов выбрали для исполнения 35 различных произведений поэта.

В репертуаре чтецов занимают значительное место стихи Демьяна Бедного и В. Гусева.

Прозу чтецы исполняют, как правило, реже, чем стихи. Первое место среди прозаиков занимает Максим Горький. 27 чтецов включили в свой репертуар произведения великого пролетарского писателя.

14 чтецов выбрали для чтения отрывки из «Птичьего Дона» и «Подвиги пелины» — М. Шолохова, 12 — из «Железного потока» — Серафимовича, 16 — из романов Н. Островского — «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Читались отрывки из «Копейки» — Бабеля, из «Бронепоезда» — Веселова Иванова, из «Чапаева» — «Матя» — Фурманова, из произведений Визинского, Паустовского, Кассиля и других авторов.

После окончания конкурса премиярванные мастера художественного чтения выступили с исполнением лучших октябрьских произведений на открытых вечерах.

«НАЧАЛО ИСТОРИИ»

Рассказ под этим названием, премиярванный на конкурсе Гослитиздата, принадлежит перу ленинградского писателя Леонида Борисова, а не В. Ильина, как это было ошибочно указано в № 55 «Литературной газеты».

ИЗВЕЩЕНИЕ

27 октября, ровно в 6 час вечера, в помещении издательства «Советский писатель» вторично созывается общее собрание пайщиков кооперативного издательства «Советский писатель».

Повестка дня:

1. Отчет издательства за 1936—37 гг.
2. Организационная форма и структура изд-ва.

В соответствии с 37-м пунктом Устава издательства вторичное общее собрание пайщиков может состояться при любом количестве собравшихся членов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ИЗДАТЕЛЬ:
Журналистско-газетное объединение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Постальный пер., д. 26, тел. 63-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 98, тел. 4-64-16 и 5-51-56.

Авторы юбилейных пьес на репетициях в московских театрах

На репетиции пьесы Н. Вирта «Земля» — в Московском ордена Ленина Художественном Академическом театре имени Горького.
На фото (справа налево): народный артист СССР Н. П. Хмель, исполняющий роль Петра Сторожова, драматург Н. Вирта, постановщик спектакля народный артист СССР орденосец Л. М. Леонидов и режиссер спектакля заслуженный артист республики Н. М. Горчаков.

«На берегу Невы» К. А. Тренева — в Московском ордена Ленина Малом театре. Автор пьесы беседует с участниками спектакля — В. Н. Панфиловым и А. И. Зражевским.
На фото (справа налево): постановщик спектакля народный артист СССР орденосец В. Н. Панфилов, заслуженный артист республика орденосец А. И. Зражевский, постановщик спектакля, заслуженный деятель искусств орденосец К. П. Холдов.

Театр им. Вахтангова готовит к двадцатилетию Октября пьесу Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем», в постановке народного артиста РСФСР Н. Симонова.
На фото (справа налево): постановщик спектакля народный артист РСФСР Р. Н. Симонов и автор пьесы Н. Ф. Погодин проходят с исполнителем роли секретаря Ленина — Ф. И. Мосевым сцену в Смольном.

Фото М. Яруша